

Личное дело

Наталья ВАСИНА

Живой

Перелист публикации разных лет об Олеге Дале, мне захотелось разобраться с предвзятым убеждением в том, что Олег Даль — человек не понятый и отвергнутый своим временем.

Я не застала Олега Дала в театре, когда он умер, мне было всего десять лет. Я никогда не видела его живым. Но все-таки вспомну на себя смелость предположить, что взаимоотношения Олега Дала со своим временем сложились не так сложно и противоречиво, как это может показаться. «Не мог ужиться с системой... Ненавидел систему...» — услышала я от вдовы Олега Дала Елизаветы Алексеевны Даль. Боялась, что система до Олега Дала не была никакого дела. Равно как и ему, Олегу Далю, по большому счету — до нее.

Тридцать лет назад на экране появился романтический (младший) герой Олега Дала. Он родился в картине А. Зархи «Мой младший брат» и расстался со своим «звездным билетом» только в 1971-м, когда Даль сыграл Шута у Григория Козинцева в «Короле Лира». Двадцать лет назад на смену младшему герою Дала пришел старший. В 1975-м Анатолием Эфросом была снята телевизионная картина «По страницам журнала Печорина». В 1978—1979 годах — «Отпуск в сентябре» и «В четверг и больше никогода». Сейчас, в девяностых годах, «другому» на смену пришел «новый». А между тем киногерой Олега Дала не то что не уступил свое место «другим» и «новым», а словно и вовсе не заметил их появления. В своей задумчивости он остался неприкоснovenен. Эти «новые» русские герой тоже спокойно обходил его стороной, не задавая, словно мимо музея экспоната. А он — живой... Он, худой и уставший человек, с душой, изъеденный бесмысленностью собственного существования, и сегодня для многих все еще остается типичным героем своего, нашего, времени.

Зилов из «Отпуска в сентябре» и Сергей из «В четверг и больше никогода» — почти одногодки (оба фильма были сняты с 1978 по 1979 год). Они — братья-близнецы. Оба злы и циничны. Вирус цинизма в «организме матери» (в актерскую и человеческую психофизику Дала), очевидно, занес ветром из лермонтовских Кислых вод. Печорин был снят в 1975 году. Так сформировалась природный герой Дала. Про него говорили, что он не играл, а просто был самим собой.

Но ведь невозможно актеру все время быть собой?.. В чем же тогда состоит его профессия?..

Для славы он остался неуловим

Из интервью с Авангардом Леонтьевым:

«... На первых репетициях «На дне», где Даль репетировал роль Васьки Пепла, я сначала думал, что он намеренно ничего не делает, то ли потому что еще не придумал — как играть, то ли просто не в настроении, а может быть, характер такой у человека... Но потом я понял, что ничего не играть — было его кредо. Он лю-

бщие опасности его юмора не покидало всех. Рядом с ним вообще было опасно находиться человеку, который чем-то уязвлен. Потому что Олег моментально отыскивал его слабое место и лупил по нему беспощадно. Это было жутковато.

Был поделиться с ролью своей душой, своими нервами, своим жизненным опытом. Поделился со своим персонажем всем, что на-капло.

Роль ему отвечала — и это их «общение», т. е. общение актера и его персонажа, как диалог в прямом эфире двух полноценных личностей, и производило эффект абсолютной натуральности, эффект полного отсутствия того, что мы привыкли называть игрой актера...

Верно. ... Даль сам любил отвечать на собственные вопросы. Молча. Внутри себя. Он был индивидуален в всем и ни на кого не похож. ... В нем не было ничего похожего, никакой рисовки.

Чем, по-вашему, Даль отличался от других талантливых актеров? Ведь таких актеров, которые и по мастерству, и по своей личной актерской палитре гораздо виртуознее Дала, много. Что Дала отличало от этих многих?

Я бы ответил так — божественное обаяние.

Кто-нибудь еще тогда обладал таким же обаянием?

Ефремов...

Из интервью с Еленой Козельской:

«... У меня порою складывалось впечатление, что для Олега все, что происходило на сцене, и было его настоящей жизнью. А там, за ее пределами, на улице — скучна и убога умесь... Олег совершенно не хотел быть в жизни практическим, хитрым, расчетливым... никого. Он так и остался недосыпаем для той славы, которая пьянит и туманит голову. Она

его так и не настигла. Он остался для нее неуловим».

Из интервью с Олегом Табаковым:

«... Я снимался с Олегом едва ли не в самой последней его картине «Незваный друг». Он был спокоен и серьезен. Организован. Несуетлив. Ну это, возможно, уже возраст, ведь ему было уже тридцать восемь. Сугуба, желчность и сарказм уже отлетели от него.

А спокойствие уже пришло к нему?

Думаю, что в нем уже было какое-то взрослое успокоение. Талант на сцене — вещь необходимая. Но Олег Даль относится к тем талантливым актерам, которые отмечены еще и обаянием...

Многие, и актеры, и зрители, и критики, особенно женщины, говорят об обаянии Олега Дала, формулируют его почти гипнотическим...

Не знаю, как находит гипнотического, поскольку я — мужчина. Ну а если объяснить все по-житейски... Олег довольно долго тесно общался с женщинами старше себя. А это серьезное испытание для мужчин, тем более для инфантильного мужчины. И я всегда упрекал его в одном: «Олег, тебе заботиться не о ком». Но главной причиной его душевного надлома, я считаю, были все-таки, повторюсь, творческая невостребованность.

А что, на ваш взгляд, мешало Олегу Далю в профессии или, может быть, даже в судьбе?

Женщины мешали. И отсутствие работы о ком бы то ни было. А в профессии... думаю, что Олег был не слишком усидчив. Это я по природе своей — бульдозер, а Олег от столкновения с трудностями складывался в гармошку. Хотя — никогда он не казался мне слабым. Иногда его интересовали очень странные и заумные идеи для того времени, типа Кортасара, которого никаким боком невозможно было в то время пристроить ни к одному театру. Его режиссерские попытки были, на мой взгляд, потребностью отнести к себе серьезно. И обратить на себя внимание окружающих. А ремесла не хватало. Олег знал — как не надо ставить, а вот как надо — не знал.

Олег Даль в профессии или, может быть, даже в судьбе?

Женщины мешали. И отсутствие работы о ком бы то ни было. А в профессии... думаю, что Олег был не слишком усидчив. Это я по природе своей — бульдозер, а Олег от столкновения с трудностями складывался в гармошку. Хотя — никогда он не казался мне слабым. Иногда его интересовали очень странные и заумные идеи для того времени, типа Кортасара, которого никаким боком невозможно было в то время пристроить ни к одному театру. Его режиссерские попытки были, на мой взгляд, потребностью отнести к себе серьезно. И обратить на себя внимание окружающих. А ремесла не хватало. Олег знал — как не надо ставить, а вот как надо — не знал.

Олег Даль в профессии или, может быть, даже в судьбе?

Женщины мешали. И отсутствие работы о ком бы то ни было. А в профессии... думаю, что Олег был не слишком усидчив. Это я по природе своей — бульдозер, а Олег от столкновения с трудностями складывался в гармошку. Хотя — никогда он не казался мне слабым. Иногда его интересовали очень странные и заумные идеи для того времени, типа Кортасара, которого никаким боком невозможно было в то время пристроить ни к одному театру. Его режиссерские попытки были, на мой взгляд, потребностью отнести к себе серьезно. И обратить на себя внимание окружающих. А ремесла не хватало. Олег знал — как не надо ставить, а вот как надо — не знал.

Олег Даль в профессии или, может быть, даже в судьбе?

Женщины мешали. И отсутствие работы о ком бы то ни было. А в профессии... думаю, что Олег был не слишком усидчив. Это я по природе своей — бульдозер, а Олег от столкновения с трудностями складывался в гармошку. Хотя — никогда он не казался мне слабым. Иногда его интересовали очень странные и заумные идеи для того времени, типа Кортасара, которого никаким боком невозможно было в то время пристроить ни к одному театру. Его режиссерские попытки были, на мой взгляд, потребностью отнести к себе серьезно. И обратить на себя внимание окружающих. А ремесла не хватало. Олег знал — как не надо ставить, а вот как надо — не знал.

Олег Даль в профессии или, может быть, даже в судьбе?

Женщины мешали. И отсутствие работы о ком бы то ни было. А в профессии... думаю, что Олег был не слишком усидчив. Это я по природе своей — бульдозер, а Олег от столкновения с трудностями складывался в гармошку. Хотя — никогда он не казался мне слабым. Иногда его интересовали очень странные и заумные идеи для того времени, типа Кортасара, которого никаким боком невозможно было в то время пристроить ни к одному театру. Его режиссерские попытки были, на мой взгляд, потребностью отнести к себе серьезно. И обратить на себя внимание окружающих. А ремесла не хватало. Олег знал — как не надо ставить, а вот как надо — не знал.

Олег Даль в профессии или, может быть, даже в судьбе?

Женщины мешали. И отсутствие работы о ком бы то ни было. А в профессии... думаю, что Олег был не слишком усидчив. Это я по природе своей — бульдозер, а Олег от столкновения с трудностями складывался в гармошку. Хотя — никогда он не казался мне слабым. Иногда его интересовали очень странные и заумные идеи для того времени, типа Кортасара, которого никаким боком невозможно было в то время пристроить ни к одному театру. Его режиссерские попытки были, на мой взгляд, потребностью отнести к себе серьезно. И обратить на себя внимание окружающих. А ремесла не хватало. Олег знал — как не надо ставить, а вот как надо — не знал.

Олег Даль в профессии или, может быть, даже в судьбе?

Женщины мешали. И отсутствие работы о ком бы то ни было. А в профессии... думаю, что Олег был не слишком усидчив. Это я по природе своей — бульдозер, а Олег от столкновения с трудностями складывался в гармошку. Хотя — никогда он не казался мне слабым. Иногда его интересовали очень странные и заумные идеи для того времени, типа Кортасара, которого никаким боком невозможно было в то время пристроить ни к одному театру. Его режиссерские попытки были, на мой взгляд, потребностью отнести к себе серьезно. И обратить на себя внимание окружающих. А ремесла не хватало. Олег знал — как не надо ставить, а вот как надо — не знал.

Олег Даль в профессии или, может быть, даже в судьбе?

Женщины мешали. И отсутствие работы о ком бы то ни было. А в профессии... думаю, что Олег был не слишком усидчив. Это я по природе своей — бульдозер, а Олег от столкновения с трудностями складывался в гармошку. Хотя — никогда он не казался мне слабым. Иногда его интересовали очень странные и заумные идеи для того времени, типа Кортасара, которого никаким боком невозможно было в то время пристроить ни к одному театру. Его режиссерские попытки были, на мой взгляд, потребностью отнести к себе серьезно. И обратить на себя внимание окружающих. А ремесла не хватало. Олег знал — как не надо ставить, а вот как надо — не знал.

Олег Даль в профессии или, может быть, даже в судьбе?

Женщины мешали. И отсутствие работы о ком бы то ни было. А в профессии... думаю, что Олег был не слишком усидчив. Это я по природе своей — бульдозер, а Олег от столкновения с трудностями складывался в гармошку. Хотя — никогда он не казался мне слабым. Иногда его интересовали очень странные и заумные идеи для того времени, типа Кортасара, которого никаким боком невозможно было в то время пристроить ни к одному театру. Его режиссерские попытки были, на мой взгляд, потребностью отнести к себе серьезн

о. А что могло оскорбить, обидеть Дала? Что могло вывести его из себя?

Не знаю... Вот как взрывался Высоцкий, я помню. Он, например, совершенно зверел, когда к нему в ресторане подходили, хлопали по плечу и говорили: «Ты — Высоцкий! Дай выпьем!» И когда Володя зверел, это производило большое впечатление. А Олег избегал таких ситуаций и вообще публичных мест. Однажды, на съемках в Сочи, мне сказали, что Олег напился, во что я не поверил, поскольку знал, что сейчас он как раз «зашел» и не пьет. На что мне возразили: «А знаешь, что он час назад выпил? — Что? — На берегу он плюхнулся в воду в джинсах, в часах, ботинках и в башмаках, не раздеваясь... И поплыл в море». Я аккуратнейко звоню Лизе: «Как дела, Лиз? — Ничего... — Что делает? — Сидим, чай пьем. Олег вот только купался, а вода холодная... — Лиза, а он... трезвый? — Да ты заходи, он тебе сам все расскажет». Поднимаясь. Рассказывает: «Я не пошел на гостиничный пляж, а ушел далеко, как уединение.

Он знал, что могло оскорбить, обидеть Дала? Что могло вывести его из себя?

Не знаю... Вот как взрывался Высоцкий, я помню. Он, например, совершенно зверел, когда к нему в ресторане подходили, хлопали по плечу и говорили: «Ты — Высоцкий! Дай выпьем!» И когда Володя зверел, это производило большое впечатление. А Олег избегал таких ситуаций и вообще публичных мест. Однажды, на съемках в Сочи, мне сказали, что Олег напился, во что я не поверил, поскольку знал, что сейчас он как раз «зашел» и не пьет. На что мне возразили: «А знаешь, что он час назад выпил? — Что? — На берегу он плюхнулся в воду в джинсах, в часах, ботинках и в башмаках, не раздеваясь... И поплыл в море». Я аккуратнейко звоню Лизе: «Как дела, Лиз? — Ничего... — Что делает? — Сидим, чай пьем. Олег вот только купался, а вода холодная... — Лиза, а он... трезвый? — Да ты заходи, он тебе сам все расскажет». Поднимаясь. Рассказывает: «Я не пошел на гостиничный пляж, а ушел далеко, как уединение.

Он знал, что могло оскорбить, обидеть Дала? Что могло вывести его из себя?

Не знаю... Вот как взрывался Высоцкий, я помню. Он, например, совершенно зверел, когда к нему в ресторане подходили, хлопали по плечу и говорили: «Ты — Высоцкий! Дай выпьем!» И когда Володя зверел, это производило большое впечатление. А Олег избегал таких ситуаций и вообще публичных мест. Однажды, на съемках в Сочи, мне сказали, что Олег напился, во что я не поверил, поскольку знал, что сейчас он как раз «зашел» и не пьет. На что мне возразили: «А знаешь, что он час назад выпил? — Что? — На берегу он плюхнулся в воду в джинсах, в часах, ботинках и в башмаках, не раздеваясь... И поплыл в море». Я аккуратнейко звоню Лизе: «Как дела, Лиз? — Ничего... — Что делает? — Сидим, чай пьем. Олег вот только купался, а вода холодная... — Лиза, а он... трезвый? — Да ты заходи, он тебе сам все расскажет». Поднимаясь. Рассказывает: «Я не пошел на гостиничный пляж, а ушел далеко, как уединение.

Он знал, что могло оскорбить, обидеть Дала? Что могло вывести его из себя?

Не знаю... Вот как взрывался Высоцкий, я помню. Он, например, совершенно зверел, когда к нему в ресторане подходили, хлопали по плечу и говорили: «Ты — Высоцкий! Дай выпьем!» И когда Володя зверел, это производило большое впечатление. А Олег избегал таких ситуаций и вообще публичных мест. Однажды, на съемках в Сочи, мне сказали, что Олег напился, во что я не поверил, поскольку знал, что сейчас он как раз «зашел» и не пьет. На что мне возразили: «А знаешь, что он час назад выпил? — Что? — На берегу он плюхнулся в воду в джинсах, в часах, ботинках и в башмаках, не раздеваясь... И поплыл в море». Я аккуратнейко звоню Лизе: «Как дела, Лиз? — Ничего... — Что делает? — Сидим, чай пьем. Олег вот только купался, а вода холодная... — Лиза, а он... трезвый? — Да ты заходи, он тебе сам все расскажет». Поднимаясь. Рассказывает: «Я не пошел на гостиничный пляж, а ушел далеко, как уединение.

Он знал, что могло оскорбить, обидеть Дала? Что могло вывести его из себя?

Не знаю... Вот как взрывался Высоцкий, я помню. Он, например, совершенно зверел, когда к нему в ресторане подходили, хлопали по плечу и говорили: «Ты — Высоцкий! Дай выпьем!» И когда Володя зверел, это производило большое впечатление. А Олег избегал таких ситуаций и вообще публичных мест. Однажды, на съемках в Сочи, мне сказали, что Олег напился, во что я не поверил, поскольку знал, что сейчас он как раз «зашел» и не пьет. На что мне возразили: «А знаешь, что он час назад выпил? — Что? — На берегу он плюхнулся в воду в джинсах, в часах, ботинках и в башмаках, не раздеваясь... И поплыл в море». Я аккуратнейко звоню Лизе: «Как дела, Лиз? — Ничего... — Что делает? — Сидим, чай пьем. Олег вот только купался, а вода холодная... — Лиза, а он... трезвый? — Да ты заходи, он тебе сам все расскажет». Поднимаясь. Рассказывает: «Я не пошел на гостиничный пляж, а ушел далеко, как уединение.

Он знал, что могло оскорбить, обидеть Дала? Что могло вывести его из себя?

Не знаю... Вот как взрывался Высоцкий, я помню. Он, например, совершенно зверел, когда к нему в ресторане подходили, хлопали по плечу и говорили: «Ты — Высоцкий! Дай выпьем!